

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
ЗВЕЗДА ВОЛХВОВ

7

Анна и Сергей Литвиновы
ПЕРСЕЙ СОБРАЛ ДРУЗЕЙ

73

Ольга Володарская
К ГАДАЛКЕ НЕ ХОДИ

121

Татьяна Устинова
ТЫ НЕ ИСКАЛ БЫ МЕНЯ, ЕСЛИ Б УЖЕ НЕ НАШЕЛ

178

Евгения Михайлова
МУЧЕНИЦА ТОНЯ

188

Елена Логунова
СНЕГУРОЧКИ НЕ ДУРОЧКИ

238

Ирина Грин
ДВА ДЕДА МОРОЗА

282

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ЗВЕЗДА ВОЛХВОВ •

на была потрясающе красива. Быть может, немного неправильные формы, некоторая угловатость, зато как ей шел розовый цвет — оттенок младенческой кожи! Загадочная, холодная, она словно явилась из другого мира, принеся с собой тайну, которой не спешила делиться.

— Я заплатил за нее сто тысяч франков, — проронил граф Загальский и нарочито небрежно катнул крупный, размером с грецкий орех, шарик по узорчатой скатерти.

— Где же вам посчастливилось отхватить эдакую ценность? — любопытствовал отставной майор Алексей Максимов, нацедив себе и графу сливовой наливки.

— Я купил ее в Индии, а выловлена она неподалеку от Цейлона. Прежде мне не доводилось видеть таких больших жемчужин. А теперь я ее полноправный владелец.

— У нее есть название?

— Да. Я назвал ее «Звезда волхвов». Если вы хорошенько присмотритесь, то обнаружите у нее на поверхности шесть едва заметных выступов. Я сравнил их с лучами. Можете считать меня безнадежным романтиком, но, по-моему, это имя ей подходит.

— Вы придумали очень удачно, — сказала Анита не то чтобы искренне, а скорее из желания польстить гостю. — К тому же сегодня это звучит так символично...

Она встала и зажгла свечи в высоких канделябрах. За окнами еще не стемнело, но зимний день был неяркий, и комната нуждалась в дополнительном освещении. Заалевшие в шандалах огоньки сразу раздвинули пространство, выхватили из мрака иконы в углу, убранные нарядными рушниками, буфеты и серванты вдоль стен, уставленные искрящейся посудой, лакированные стулья с округлыми спинками и празднично накрытый стол.

Описываемые события происходили в конце декабря где-то в середине сороковых годов девятнадцатого века. Алексей Петрович, или по-домашнему Алекс, вместе с супругой-испанкой, урожденной Моррентес, не так давно принявшей российское подданство, неделей ранее приехали из Петербурга. Это Рождество они решили провести в имении, доставшемся Максиму по наследству от родителей. Скромная усадьба и прилегавшая к ней деревушка Медведевка затерялись в лесах между Псковской и Тверской губерниями. В первый приезд, три года назад, тоже зимой, Аните было жутковато слышать ночами волчий вой и наблюдать ряды угрюмых сосен, обступивших деревню со всех сторон, точно неприятельские полки, затеявшие осаду. Но скоро она пообвыклась, раза два выбралась с мужем и крестьянами на охоту, полюбила кататься с горки на санках и перебрасываться снежками.

— Я жалею лишь о том, — призналась она Алексу, — что ничего этого не было в моем детстве. Жара, песок, море — вот все, что я помню. Ни снега, ни льда. Никакого удовольствия.

— Гм... — промычал Максимов с философической ноткой. — А в моем детстве снега и льда было слишком много. Пожалуй, я бы согласился с тобой поменяться.

Граф Загальский прибыл в Медведевку морозным рождественским утром. Максимов был извещен о его приезде письмом и ждал старинного друга с нетерпением. Их свела Кавказская война, в которой оба участвовали в ранней молодости. Третьим в их боевой компании всегда был военный лекарь по фамилии Немец. Эта фамилия вызывала у окружающих улыбку, а его самого раздражала. Представлялся он всегда следующим образом: «Я Немец, но я словак». Выходец из братиславских простолюдинов, он еще в отрочестве перебрался с родными в Польшу, которая являлась частью Российской империи. Получил в Варшаве медицинское образование и, хотя имел право не служить в царской армии, добровольцем отправился на Кавказ. Двигало им желание выбраться из нищеты и выслужить приличный чин, который позволял бы ему держаться на равных с аристократами и не чувствовать себя плебеем.

Граф Загальский, никогда не забывавший о своем высоком происхождении и подчас

грешивший высокомерием, едва ли сошелся бы с бедным мещанином, но Максимов выступил в роли посредника. Он и Загальский одновременно получили ранения в боях под Сунжей и попали в госпиталь, где доктор Немец творил натуральные чудеса. Алекс, поставленный на ноги в считанные дни, выразил кудеснику сердечную признательность и выставил ящик французского шампанского, а поскольку доктор оказался малопьющим, на выручку был приглашен Загальский. Граф тоже успел оценить врачебное искусство иноземца и после третьей выпитой бутылки беседовал с ним уже вполне по-приятельски. Последующие годы скрепили завязавшуюся дружбу. Не распалась она и после того, как все трое покинули армию. Видеться, правда, стали реже, последняя общая встреча состоялась в позапрошлом году.

Нынче Алекс выслал два приглашения, но Загальский приехал в одиночестве. Немец, по его словам, задержался в Твери, где у него нашлись срочные дела.

— Мы обедали с ним вчера в это же время, — сообщил граф. — После обеда я нанял экипаж и отправился к вам, а он клятвен-

но обещал подъехать либо сегодня вечером, либо завтра утром.

— А что у него за дела такие безотлагательные? — спросил Максимов.

— Вы будете смеяться, но он сделался коллекционером безделушек. Наткнулся в местной антикварной лавке на табакерку с вензелями и загорелся желанием ее приобрести. Но хозяин лавки заломил астрономическую цену. Наш Немец долго торговался, и все равно у него не хватило денег, чтобы купить эту вещицу. Я предложил ему займы, он отказался. Вы же знаете, он по натуре тот еще фанаберист.. Короче говоря, он остался, чтобы попробовать еще раз уломать лавочника и сбить цену. Не знаю, что из этого получится.

Максимов опорожнил свою рюмку и покачал головой.

— Да, упрямство из него ничем не вышибешь.

— Истинно! — подтвердил Загальский, продолжая любоваться жемчужиной. — И между нами говоря, иногда это упрямство направлено на цели совершенно никчемные.

— Вы так полагаете?

— Он большой оригинал, наш словак...

12 Оригинальность — превосходный способ

обратить на себя внимание, однако всему есть мера. Он — вообразите! — стал ярым поклонником механических новшеств и завел себе паровой экипаж вместо обычного конного.

— Что же в этом плохого?

— Возможно, где-нибудь в Англии или Франции это было бы в порядке вещей, но Россия консервативна. Даже высший свет, не говоря уже о необразованных селянах, крестится и впадает в столбняк, видя огнедышащее страшилище, за которым тянется шлейф дыма... Ему вслед плюют и называют порождением дьявола. А Немец и в ус не дует, ему все нипочем.

— Ладно... это его личные дела, я бы не хотел лезть с советами. Вы-то, граф, куда направляетесь со своей драгоценностью?

— В Европу. — Граф помедлил и растегнул ворот сюртука. — Погощу у вас дня два, далее в Псков, оттуда в Прибалтику — и морем в Германию. Хочу показать «Звезду волхвов» настоящим знатокам. Думаю, ее стоимость раза в полтора, а то и в два выше той, за которую она мне досталась у азиатов.

— Вы не промах! Как всегда, расчетливы и дальновидны.

Аните, слушавшей их разговор, надоело молчать.

— Граф, что же вы ничего не едите? Вероника сегодня превзошла себя, вон как расстаралась...

Стол и в самом деле ломился от блюд. Здесь наличествовали традиционный рождественский гусь с яблоками, жареный поросенок, начиненный кашей, отдельно язык с хреном, тушеная баранина, квашеная капуста, соленые грузди... Загальский, однако, ел вяло, а пил и того меньше. Он выглядел бледным и дышал тяжело, словно ему было душно. Максимов списал это на усталость после длинной дороги.

— Смотрите! — Именитый гость поднес жемчужину к подсвечнику. — При ровном и тусклом освещении она кажется розовой, но это не совсем так. Если ее поднести к огню и повернуть, то она окрасится в зеленый цвет... а если подставить под свет другую сторону, то проявится лавандовый...

— Да. — Анита видела, что граф всецело поглощен своим приобретением, и сочла нужным из вежливости сделать комплимент. — Я тоже немного разбираюсь

в жемчуге, среди моих испанских знакомых были опытные ювелиры. Вы не прогадали, купив эту прелесть.

— Не прогадал... да... — Граф внезапно выронил жемчужину, она покатилась по половицам, а сам он схватился рукой за шею и захрипел.

Максимов вскочил и не позволил другу сползти со стула.

— Что с вами?

— Н-не знаю... — выдавил Загальский через силу. — Слабость, и воздуху не хватает... а внутри жжет...

Алекс переглянулся с женой.

— Что это, Нелли? Апоплексия?

— Не похоже... Нужен лекарь!

— Как бы кстати пришелся Немец... Дернул же его черт застрячь в Твери! — Максимов приподнял обмякшего графа и перенес его на стоявшую под стеной лавку, уложил, подоткнул под голову обтянутую парчой подушечку. — Как вы? Лучше?

— Нет... мм... Хуже... Умираю!

Анита взяла с полки бронзовый колокольчик, и по дому разнесся трезвон. Вбежала служанка Вероника, вид у нее был перепуганный.

— Что стряслось, Анна Сергевна? — пролепетала она, уставясь на лежащего Загальского.

— С их сиятельством несчастье. — Анита не стала тратить время и вдаваться в подробности. — Беги к Ерофею, пусть готовит сани и везет его в Холм. Срочно!

Холм был ближайшим к усадьбе городом с населением в четыре тысячи человек и всеми надлежащими учреждениями, включая лечебницу.

— Пятьдесят верст, Анна Сергевна, — напомнила Вероника. — Довезем ли?

Анита рассердилась — подобно классической русской барыне уперла руки в бока и притопнула ногой.

— Довольно рассуждать! Подать сани, я сказала!

Веронику как ветром сдуло. Анита подошла к лавке. Граф маялся, извиваясь ужом, мял сюртук и раздирал сорочку. Очевидно, боль, донимавшая его, была нешуточной. Максимов, как мог, его успокаивал:

— Все обойдется. Лечебница в городе неплохая. Уровень, может быть, не европейский, но вас выходят, не сомневайтесь.

— Алексей Петрович, — простонал граф, судорожно раскрывая рот, как выброшенная на берег рыба, — где... где моя «Звезда»?

— Вот она. — Анита подняла с пола жемчужину и протянула Загальскому. — С ней все в порядке.

Он приподнял руку, но она бессильно упала на грудь.

— Нет. Я не возьму ее с собой. Эти провинциальные больницы, знаю я их... Непременно украдут. Алексей Петрович, можно вас попросить? Присмотрите за ней, пока я... В общем, на вас вся надежда.

— Не беспокойтесь. Ваше сокровище будет в полной безопасности.

Алекс забрал у Аниты жемчужину, прошел в смежную со столовой комнату, где располагался кабинет, достал из кармана домашнего халата ключик и отпер им кованый сундук, громоздившийся в углу. Из сундука извлек обитый железом ларец, открыл его вторым ключиком, упрятал туда жемчужину и проделал все в обратной последовательности: запер ларец, поместил его в сундук, опустил массивную крышку, провернул бородку ключа в замочной скважине, а выйдя из

кабинета, замкнул еще и дверь. Все меры предосторожности были приняты.

Впрочем, Алексом владела совершенная уверенность, что в его доме кражи невозможны в принципе. Начать с того, что Максимовы обходились минимумом прислуги. Рядом постоянно обреталась лишь Вероника, чья преданность не вызывала ни малейших сомнений. Кроме нее, усадьбу обычно обслуживали два деревенских мужика: Антипка и Ерофей. Обоим было под шестьдесят, они служили уже не первому поколению владельцев поместья и ни разу не позволили усомниться в своей честности. Но их сейчас в доме не было — Максимов отпустил дворню, чтобы отпраздновали Рождество с семьями, и отстегнул им из домашней казны щедрое вознаграждение.

Что касается воров со стороны, то они вряд ли могли рассчитывать на легкое проникновение через двойные двери и окна с дубовыми ставнями. Алекс — специалист по военной фортификации — оборудовал свое жилище на манер крепости. Предосторожность нелишняя, если учесть, что вокруг на многие версты — лес, в котором, помимо дикого зверья, водились и лихие люди...

Но сейчас, когда на улице трещали рождественские морозы, кому бы взбрело в голову пробираться через заснеженные дебри и готовить нападение на барскую фортецию? Да и кто знал, что в ней хранится розовый катышек, оцененный в целое состояние?

Спрятав жемчужину надежнее, чем Кошчеву смерть, Алекс воротился к графу Загальскому. Тот по-прежнему лежал на лавке под образами, признаков улучшения не наблюдалось. Подле него сидела Анита, смачивала ему лоб водой с уксусом.

— Где Ерофей? — спросил Максимов недовольно. — Чего валандается, сукин сын?

В ответ на его грозную тираду в столовую ввалился собственной персоной кучер, а по совместительству конюх, Ерофей Трофимыч — рослый дядька в зипуне, треухе и валенках до колен. Он доложил, что сани поданы, можно ехать.

Максимов вызвался сопровождать графа. Анита не возражала — желание супруга было вполне объяснимым и по-человечески оправданным.

— Прости, что бросаю тебя... — пробормотал он виновато. — Но так получилось.

Анита со всей искренностью заверила, что он ни в чем не виноват и нет причины каяться.

Поездка предстояла затяжная. Несмотря на то, что снег на большаке смерзся и сани должны были двигаться ходко, Максимов предполагал доехать до города в лучшем случае к ночи.

— Я, конечно, постараюсь с рассветом вернуться...

— Нет уж! — перебила его Анита. — Чтобы тебя где-нибудь в темноте волки сожрали? Благодарю покорно! Дождись утра и приезжай по свету. Мне так будет спокойнее. И не забудь ружье и пистолеты.

— Ты меня как будто на фронт провожаешь, — попробовал пошутить Алекс; Анита не улыбнулась. — Договорились. Но я буду волноваться за тебя. Одна, в пустом доме...

— Со мной Вероника. И я никого здесь не боюсь.

Обмениваться словесами было недосуг — граф впал в беспамятство, метался и бубнил что-то неразборчивое. Его закутали в овчинный тулуп, нахлобучили меховую шапку и бережно уложили в сани. Максимов сел около, приказал Ерофею трогать, и мох-

ноногая лошадка затрусилась по дороге через чащу.

К счастью, ничто не предвещало метели, над Медведевкой и окрестностями нависало пусть и по-зимнему тяжелое, но безоблачное небо. Минус состоял в том, что оно неумолимо гасло, а это означало, что значительную часть пути придется проделывать во мраке. Максимов припас несколько масляных фонарей, а Ерофей полагался на чутье своей савраски.

Когда сани исчезли вдаль, Анита немного постояла в воротах и пошла в дом. Он, всегда олицетворявший собой тепло и комфорт, впервые показался ей чужим, неуютным и выстывшим. Она зябко передернула плечами, закуталась в шерстяную шаль и подбросила в печь два березовых полена. В сердце поселилась тревога, и отчего-то не отпускали мысли, что происшествие с графом — только начало цепи трагических событий, главные из которых еще впереди.

Анита согрелась, но ощущение неуютности не проходило. Сходила в кабинет Алекса, наугад вытащила из книжного шкапа объемный том — что-то из Вальтера Скотта в переводе на французский. Стала читать, но поймала

себя на том, что содержание книги не задерживается в голове и тонет в нарастающем волнении.

— Да что же это такое! — раздраженно промолвила она, тренькнула колокольчиком и вызвала Веронику.

Они до полуночи играли в триктрак и пили чай с мятой. Вероника без умолку распространялась о разных рождественских чудесах, будто бы случавшихся с ее знакомыми и знакомыми знакомых. Все это звучало как явная белиберда, не имеющая ничего общего с реальностью и обильно приправленная страшилками из народного фольклора. Чаще других повторялись байки об оживших мертвяках, которые святочными ночами обожают вылезать из могил, бродить по селам и заглядывать в окна честных христиан. При других обстоятельствах Анита посмеялась бы над глупыми выдумками, но нынче было не до веселья.

Когда Вероника утомилась и, умерив словесный поток, начала зевать, Анита отпустила ее в комнатку для слуг, а сама отправилась в спальню. В юности жизнь не баловала ее, поэтому она часто передевалась ко сну без посторонней помощи, и во-

обще снобистские замашки большей частью не были ей свойственны. Вот и теперь она самостоятельно расстелила постель и сняла с себя домашнюю одежду — просторный распашной капот, очень удобный, без тугого пояса на талии и с застежкой спереди, которая как раз и позволяла обходиться без услуг горничной. Анита любила это одеяние сразу же, как только переехала в Россию. Алекс иногда подтрунивал над ней, замечал, что она выглядит как гоголевская помещица, но Анита не обижалась. Во-первых, он в своем шлафроке тоже напоминал Манилова из иллюстраций к «Мертвым душам», а во-вторых, Анита считала, что коли уж сменила жительство, то и выглядеть должна как представительница страны, в которой обосновалась.

Оставшись в льняной сорочке, доходившей до щиколоток, с кружевами по подолу и буфами на рукавах, она юркнула под одеяло, утонув в мягчайшей пуховой перине. Шаль пристроила на прикроватном столике — к этому ее приучил Алекс. В деревенских домах, особенно зимой, так делали все — чтобы на случай пожара было чем прикрыться, выбегая во двор.

Не спалось. Анита ворочалась с боку на бок, комкала подушку и никак не могла устроиться поудобнее на кровати, оказавшейся слишком просторной для нее одной. Сказывалось отсутствие Алекса, а еще будоражили вновь нахлынувшие беспокойные думы.

Часы в столовой пробили два. Анита слышала их мерные удары, в которых ни с того ни с сего ей почудилось нечто погребальное. А когда затихли последние отзвуки тяжелого бомканья, до ее слуха донеслось не то поскрипывание, не то поскуливание, а может, и то, и другое одновременно.

Она приподнялась на локте и наострила уши. Определенно, за окном кто-то копошился, но оно было занавешено батистовой шторой, и к тому же стояла непроглядная темень. С сильно бьющимся сердцем Анита дотянулась до столика, ошупью нашла на нем спичечницу, вынула из нее деревянную палочку с нашлепкой из белого фосфора и чиркнула ею о наждачную бумагу. Фосфор мгновенно воспламенился, разбрызгивая искры и распространяя в спальне удушливую вонь. Анита поскорее поднесла спичку к свече.

Заоконные звуки не прекращались. Когда фитиль разгорелся, Анита набросила на

плечи шаль, сунула босые ступни в сафьяновые туфельки и со свечой в слегка подрагивавшей руке сделала шаг к окну. Желтые кляксы прыгали по стенам и потолку, ложились на занавеску. Всклипнули доски пола, Анита остановилась, а поскуливание за окном сделалось громче, и из невнятицы вдруг вылепилось слово:

— Пусти-и-и!

Оно было произнесено с такой надрывной интонацией, что внутри у Аниты все сжалось. Она сделала еще шаг и, приблизившись к окну, отдернула штору.

Dios mio!¹ Из-за стекла на нее глянуло иссиня-белое лицо с безумными глазами, смерзшимися стрелками ресниц и оправой из длинных свалявшихся волос. В качестве колоритного дополнения к портрету — клочковатая борода и оскаленные зубы. Ни дать, ни взять вурдалак, вышедший на охоту.

Разом припомнились недавние рассказы Вероники о воскресших мертвецах и их святочных похождениях. Будь Анита подвержена суеверным страхам, заголосила бы благим матом и хлопнулась в обморок. Однако она

¹ Бог мой! (исп.)

не страдала предрасположенностью к панике, а общение с Алексом сделало ее закоренелой материалисткой.

Преодолев оторопь, она внимательнее взгляделась в лик незнакомца.

— Пусти-и! — вновь просочилось сквозь раму.

Нет, не похож он на вурдалака. Скорее бродяга, которого нелегкая занесла к черту на кулички. Замерз, посинел...

Анита, как была, в комнатных туфлях и шали, наброшенной поверх ночной рубашки, вышла в сени. Залязгала засовом. Он был увесист, управиться с ним свободной рукой (второй держала свечу) было непросто.

На шум выбежала Вероника — она спала, не раздеваясь, лишь на голову повязывала чепец.

— Куда вы, Анна Сергевна? Вон же ведерко за поленницей...

— Дура! Там человек на холоде. Открывай!

— Какой человек? Откуда?

Вероника растерялась, но, привыкшая к повиновению, приказ выполнила.

Вдвоем они вышли из дома. Стужа моментально проникла под тонкие облачения, обожгла кожу, заставив ее покрыться мураш-

ками. Хотя, сказать по правде, Веронику знобило еще раньше.

— Анна Сергевна, вернемтесь! — умоляла она. — Случись чего — как я Алексею Петровичу в глаза смотреть буду?

— Да помолчи ты! — огрызнулась Анита и завернула за угол, в палисадник, куда выходили окна спальни.

Незнакомец в полотняной рубаше и обтрепанных штанах, больше годящихся для ранней осени, нежели для глубокой зимы, стоял, погрузив ноги в сугроб и навалившись на стену.

— Эй! — окликнула его Анита. — Ты кто?

По виду он не соответствовал выходцу из светского общества, поэтому она пренебрегла этикетом и не стала обращаться к нему на «вы».

Услыхав ее голос, он повернул патлатую голову, попытался ответить, но окончательно потерял силы и сполз в снег, царапая ногтями бревна, из которых была сложена усадьба.

— Покойник! — выкрикнула Вероника заполошно. — Истинный крест, из гроба выпростался... Анна Сергевна, бежим отсель, пока он кровушки нашей не отведал!

— Да где ему... — Анита оттолкнула служанку, норовившую вцепиться в нее, и подошла к упавшему чужаку. — Он еле дышит. Помоги!

Отведя свечу в сторону, чтобы не задуло, она попробовала приподнять неподвижное тело пришедшего. В том, что он именно пришедший, сомнений не возникало — Анита знала все немногочисленное население Медведки: девяносто восемь душ мужского полу и сто пять женского. Этого человека она никогда не встречала.

Вероника подошла на полусогнутых, ее колотило.

— Надо ли, Анна Сергевна? — усомнилась жалобно, но было одарена таким жгучим взором, что посчитала за благо прекратить препирательства.

Кое-как доволокли неизвестного до сеней, втолкнули в дверной проем. Его лохмы, спаянные серебристым инеем, с костяным стуком разметались по настилу.

— Долдонит чего-то... — прошептала Вероника, всматриваясь в его физиономию с шевелящимися губами. — Ой, не к добру мы его в дом-то!

— Брось глупости болтать! Он бредит. — Анита потрогала чело найденыша. — Жара

нет. Переохлаждение... Неси этот... diablo, все время забываю... samogon.

— Пошто? — В Веронике проснулась рачительная экономка. — Ежели этот антихрист без памяти, то он и глотнуть не сможет.

— Снаружи разотрем. Неси, говорю!

Вероника, ворча по поводу зряшного перевода ценного продукта, удалилась на кухню и принесла четверть свекольного первача. Она немного успокоилась — видно, поверила, что подобранный в палисаднике мужик не послан с того света. Но ее симпатий к нему это не усилило.

Следуя повелению Аниты, она стащила с незнакомца рубище и растерла его впалую грудь мутной, словно смешанной с мелом, жидкостью. Процедура подействовала — он открыл глаза, шало оглядел окружающее.

— Ты кто? — повторила Анита заданный ранее вопрос.

Он облизнул обветренные губы и устался на бутылку, к горлышку которой Вероника то и дело прикладывала тряпочку. Поднял пятерню, потыкал пальцем себе в рот.

— Ишь ты! Очухался, ирод. Внутри просит.

— Дай, — распорядилась Анита. — Только чуть-чуть.

Мужик припал к бутылки, с наслаждением потянул в себя ее содержимое.

— Хватит! — Вероника отпихнула его и отодвинула четверть подальше. Возвысила голос: — Тебя как звать?

— Ак-к-ки... — выговорил он через силу.

— Аким?

Он кивнул.

— Откуда взялся?

— Из В-волок-ка...

Волоком называлось соседнее село. Три версты через лес. Летом — променад, оздоровительная прогулка, но зимой...

— Да ты герой! — Анита промолвила это без иронии. — Куда шел? И зачем?

Назвавшийся Акимом с готовностью ворохнул языком, чтобы дать пояснения, но издал лишь нечленораздельное «угм», после чего закатил зенки и грянулся затылком об пол.

— Свят-свят! — закричалась Вероника. — Неужто преставился?

Анита сдавила ему запястье, ощутила толчки пульса.

— Нет. Наверное, потеря сил. Перенесем его к тебе в каморку.

— Ко мне?..

— Не валяться же ему где попало.

— Анна Сергевна, что хотите делайте, но я с ним в четырех стенах не останусь!

— Ляжешь в столовой, на лавке. Для тебя узковато будет, но как-нибудь ночку перетерпишь, а утром, надеюсь, он придет в себя.

На том и порешили. Впавшего в беспамятство странника не без усилий перетаскивали в закуток прислуги и пристроили на топчанчике, укрыв толстым домотканым покрывалом. Он еще некоторое время бредил, но в конце концов затих и, судя по ровному посапыванию, погрузился в относительно здоровый сон.

Анита же так и не сомкнула глаз. Слышимость в доме была более чем идеальная. Громкое причмокивание Вероники, бой часов, шуршание мышей, пощелкивание рассыхающегося дерева — все это, прежде казавшееся мирным и не вызывавшее волнения, ныне заставляло вздрагивать и лишало покоя.

Около семи, еще до восхода солнца, Анита поняла, что старания уснуть обречены на неудачу. Встала, оделась и, переместившись в кабинет Алекса, от безысходности взялась за вчерашнего Скотта, а с первыми проблесками зари накинула салоп, сменила туфли на меховые сапожки и вышла на крыльцо.

Очень хотелось, чтобы поскорее приехал Алекс. Однако он появился уже после полудня, невыспавшийся и озадаченный. Анита дала себе зарок не уходить в дом, пока не дождется возвращения мужа, и поэтому продрогла, а вдобавок проголодалась. Вероника уже и печь протопила и завтрак приготовила, звала госпожу хотя бы кофию с ливерными пирожками откусать, но не дозволялась.

— Нелли! — поразился Максимов, выскочив из саней. — Да ты совсем в сосульку превратилась! Разве так можно?

Он обнял супругу и увел в горницу, дыша на ее заледеневшие ладошки. Немного погодя они уже сидели за столом, отогревались кофе, уплетали стряпню Вероники и наперебой рассказывали друг другу о ночных приключениях.

Новости Алекса не претендовали на оригинальность. Благодаря прыткости савраски и кучерскому мастерству Ерофея до Холма домчали в рекордно короткие сроки. Растолкали дежурного эскулапа, передали ему с рук на руки болезного графа. Тотчас был произведен осмотр, который не дал результатов. Эскулап развел руками и предположил,

что имело место пищевое отравление. Алекс возразил ему, что за обедом в усадьбе все ели одно и то же, тем не менее пострадал только граф.

К утру, после касторки и пиявок, Загальскому полегчало, но о выписке речи покамест не идет. Его оставили в лечебнице, выделив лучшую палату из всех, что имелись в наличии. По словам врачей, если положительная динамика в его самочувствии сохранится и не произойдет осложнений, то дня через три-четыре он встанет на ноги. Новость, безусловно, отрадная.

Алекс оставил приятеля на попечение сестер милосердия, которым для пущей старательности раздал золотые монеты, и убыл в Медведевку. Настроение у него поначалу было сносное, если не сказать приподнятое, но по мере приближения к дому оно портилось. Он терялся в догадках, что случилось с Загальским. Поданные Вероникой на стол яства не могли повредить никоим образом. Свежайшие продукты, все из собственной деревни, ничего привозного. Стало быть, либо холмские гиппократы ошиблись и дело не в отравлении, либо яд подсыпал графу кто-то из своих. Но кто?

Максимов осведомился у Аниты, что она думает обо всем происходящем. Она ответила, что сведения слишком скудны, а на предположениях и допущениях верных выводов не построишь. Ей, в свою очередь, не терпелось рассказать о ночных треволнениях, связанных с появлением полузамерзшего Акима. Выслушав ее, Алекс потребовал показать нежданного гостя. Тот, измученный злоключениями, еще спал в людской. Максимов хотел разбудить его, но Анита воспротивилась:

— Ему нужен отдых. Как выспится, снабдим его одеждой, накормим, и пусть идет во свояси, куда шел.

Сердобольность супруги тронула Алекса. Он и сам не отличался жестокостью по отношению к сирым и убогим.

Вернулись к прерванному завтраку. Пили по второй чашке кофе, как вдруг снаружи раздался оглушительный грохот, словно с небес сошла колесница Зевса-громовержца. Прислуживавшая в столовой Вероника выронила молочник, осколки фарфора разлетелись, и на полу образовалась белая лужа. Максимов бросился к окну и ликующе воскликнул:

— Черт возьми! Паровой трицикл... Я такие только в журналах видел!

Подтянув полы халата, он выбежал из дома, Анита, завернувшись в шаль, последовала за ним.

Во дворе, чахоточно кашляя и смердя едким дымом, стоял, а точнее, подпрыгивал механический монстр, являвший собой овальную люльку с двумя сиденьями, штурвальным колесом и рычагами, позади которой высился немалых размеров котел с клокотавшей в нем водой. Сооружение крепилось на трех опорах — передней лыже и двух колесах, укрепленных под котлом.

В люльке сидел человек в защитной каске и кожаных рукавицах. Он повозился с рычагами, открыл клапан, и из котла с пронзительным свистом вышел пар. Грохот понемногу стал стихать, но облака дыма все еще плыли над Медведевкой, как грозовые тучи. Жители ближайших к барской усадьбе изб прильнули к плетням и сквозь щели с трепетом взирали на чудо... ах, нет!.. на чудище техники.

— Алексей! — Укротитель монстра выпрыгнул из люльки и облапил Максимова. — Рад тебя видеть!

— И я тебя! — Максимов прочувствованно стиснул друга в объятиях.

Немец снял рукавицы и каску и приложился к руке Аниты.

— Мадам... мое почтение!

Его церемонность была напускной. Дань традициям, не более того. В отличие от графа Загальского, он вел себя по-простецки, без жеманства и высокомерия.

Максимов обошел вокруг застывшего на снегу трицикла, в котором все еще слабо булькал кипяток.

— Где ты раздобыл этого Горыныча?

— В Москве, — отозвался Немец и потер пальцем масляное пятно на куртке. — Один чужак из Голландии привез партию таких машин, хотел наладить в России торговлю современными средствами передвижения. Какое там! Народ записал его в чернокнижники, мало дубьем не погнал... Бедолага не знал, что делать со своими таратайками. Обрато везти — себе дороже. Вот и распродал задешево. Я не будь дурак, взял.

— Как ты с ним управляешься? — поинтересовался Алекс, трогая рычаги и переключатели. — Я тоже поклонник прогресса, но

паромобили пока что несовершенно. С лошадьми куда проще.

— Ты ретроград! — засмеялся Немец. — Надо смотреть в будущее и не бояться сложностей. — Он прервался и взглянул на крыльцо. — А где же его сиятельство граф Загальский? Он должен был приехать к тебе еще вчера.

— А, ты же не знаешь! — Алекс спохватился и потянул доктора в дом. — Пойдем, я тебе все расскажу. Его сиятельство угодил в передрагу, и мы с Нелли ломаем головы, что послужило причиной...

В столовой, где Вероника подала вчерашнего поросенка, присыпанного свежими колечками репчатого лука, и язык, умощенный только что натертым хреном взамен уже выдохшегося, Немец выслушал безрадостную повесть о недомогании, которое отправило графа в лечебное заведение, мало соответствующее его статусу.

— Горемыка Загальский! — вскричал доктор, пригубив чарку со сливянкой. — Угораздило же его...

— Как по-вашему, что это за болезнь? — поинтересовалась Анита, желая узнать мнение специалиста.

— Мадам, как я могу поставить точный диагноз, не видя пациента? Судя по симптомам, которые описал Алексей, это может быть что угодно. Мы должны немедленно ехать в этот ваш... Холм?.. Да, Холм. Посмотрю собственными глазами, вынесу вердикт. А то боюсь, здешние коновалы его залечат.

— Напрасно ты о них так, — возразил Максимов. — Они свою работу знают. И графу уже лучше, можем не спешить. Все равно до темноты не успеть.

— Чепуха! Ты видел моего железного жеребца? Мустанг! Я нарочно снял переднее колесо и поставил лыжу для лучшей проходимости по зимним дорогам. Он делает до двадцати верст в час, больше, чем знаменитая лондонская паровая карета. Живо домчим!

Захмелевший доктор игнорировал трудности и рвался в бой. Анита незаметно для него сделала Алексу предупреждающий знак, который можно было трактовать так: «Утихомирь его. Не надо никуда ехать. Не хватало еще, чтобы этот тарантас сломался посреди чащобы и вы там околели».

Максимов, проведенный в санях половину ночи, тоже был против нового путешествия,

тем более что не видел в нем смысла. Он принялся увещевать товарища, упирая на то, что граф идет на поправку и вполне потерпит до завтра. Немец вначале артачился, однако вскоре утих и откинулся на спинку стула. Запал прошел. Дабы закрепить успех, Максимов перевел разговор на другую тему:

— Загальский говорил, что ты в Твери какую-то финтифлюшку прикупил. Похва-стаешь?

— А как же! — Немец заметно оживился. — Вели своей девке, пускай из трицикла саквояж мой принесет.

Анита видела через окно, как Вероника с опаской подошла к застывшему и уже переставшему бурлить чуду-юду, но не сразу решилась прикоснуться к люльке. Вот же темная баба! А еще у инженера служит... Надо ей мозги вправить, как выражаются русские. Прочсть лекцию о самоновейших изобретениях и научной революции, а то так и будет до конца дней от паровозов и локомотивов шараться.

Наконец саквояж был принесен и водружен на стол, для чего Максимов отодвинул блюдо с недоеденным поросенком и переставил на подоконник бутылку с недопитой

наливкой. Немец расцепил защелку, раскрыл саквояж и извлек из него продолговатую, напминавшую маленький гробик коробочку из позеленевшей листовой меди. Коробочка в длину была не больше пяди, а на ее поверхности пестрела гравировка — неразборчивые иероглифы и вязь наподобие арабской.

— Что это? — Максимов взял коробочку, повертел; она оказалась массивной, а на ее торце он заметил маленькое круглое отверстие (подумал, что для ключа). — Табакерка?

— Угадал! — Доктор самодовольно развалился на стуле. — Правда же, я не зря торговался?

Алекс скептически хмыкнул. Ему доводилось держать в руках табакерки, в полной мере заслуживавшие занесения в реестр произведений искусства. Золотые, серебряные, покрытые жемчугами и перламутром, усеянные драгоценными камнями, с тончайшей инкрустацией и портретами императоров... Приобретение доктора Немеца не произвело бы впечатления на ценителя редкостей. Судя по некоторым признакам, оно было изготовлено в конце прошлого или в начале нынешнего века. Медь местами поцарапана,

никаких украшений и гравюр. Банальная емкость для хранения табака. Ее мог склепать любой кустарь из ремесленной слободки. И стоило из-за такой ерунды целые сутки донимать тверского барышника!

Максимов чуть не произнес это вслух, вовремя сдержался. Но Немец прочел все по выражению его лица. Снисходительно ухмыльнулся:

— По-твоему, я совсем из ума выжил? Купил дешевое барахло? Нет, брат.. Эта штучка с секретом. Ее прусский мастер делал на заказ.

— Что же это за секрет? — выразила Ани-та неподдельное любопытство.

— А вот извольте посмотреть. — Доктор отобрал табакерку у Максимова и потыкал пальцем в торцевое отверстие. — Что тут, а? Замочная скважина? Не-ет! Это ствол, через который вылетает пуля.

— Что? — изумился Алекс. — Табакерка-пистолет?

— А чего ты так вскинулся? Какого только оружия не бывает! Мне попадались стреляющие трости, стреляющие ключи, стреляющие перстни... Отчего бы не быть стреляющей табакерке? У нее внутри специальный механизм. Открываешь крышку,

сыплешь порох, вставляешь пулю, закрываешь — и вуаля! Пистолет заряжен.

— Для чего тебе понадобилась эта диковина? Для коллекции?

— Для коллекции тоже. Но есть и практическое применение. Я собираюсь навеститься на свою родину, а в Европе сейчас неспокойно: мятежи, бунты, поговаривают о революциях... Знакомые пишут, что по городам и весям шатается множество всяческого сброда. Следует быть готовым ко всему.

Максимов кивнул; аргументация доктора звучала убедительно.

— Это так... Но при столкновении с мятежниками табакерка не поможет. Куда надежнее иметь при себе пару добрых пистолетов.

— Они у меня есть. — Немец отогнул полу куртки. — Но ситуации бывают самые непредсказуемые. Сижу я, например, в трактире в Братиславе, ем какой-нибудь бигус... — Он для наглядности положил себе в тарелку квашеной капусты из глиняной миски, — и вдруг подходят некие личности с недружелюбными намерениями. Они, допустим, при кинжалах, и у меня нет времени, чтобы вынуть из-за пояса пистолеты. Реакция у ба-

шибузуков, как правило, отменная — дернуться не успеешь, как прирежут.

— Воистину, — согласился Максимов, припоминая столкновения с кавказцами.

— Ну вот... А табакерка лежит у меня под рукой, — Немец водрузил медную коробочку на салфетку, — и подозрений не вызывает. Я кладу на нее ладонь, словно бы собираюсь открыть крышку, чтобы достать табак, а сам неприметно нажимаю на кнопочку, и...

Проговаривая все это, он надавил на один из иероглифов. Табакерка издала мощный хлопок, из ее отверстия, обращенного в сторону двери, вырвался пучок огня, а сама она, в силу отдачи, вырвалась из пальцев доктора и маленьким снарядом ударилась в зеркало, висевшее на стене. Посыпались стеклянные крошки. Вероника выпустила из рук турку, и рядом с затертым молочным пятном образовалось новое — кофейное. Пуля, угодив на вершок выше дверной ручки, проделала дырку, из которой брызнули щепки.

— Вот это да! — восхитился Максимов, подавившись сливянкой.

Сердце у Аниты от неожиданности замерло, но тут же вновь застучало в прежнем

ритме. Она увидела, что никто не пострадал, а значит, и беспокоиться не о чем.

Доктор чертыхался и тряс ободранной кистью.

— А чтоб тебя!.. Я и позабыл, что она заряжена... Простите великодушно!

— Бывает. — Алекс потрепал его по плечу и повернулся к жене: — Ты в порядке, Нелли?

— Да... вполне.

Сильнее всех перепугалась Вероника. Выпученными глазами она тарасилась на залитый и усеянный крошечками пол.

— Зеркало! Это к худу... особенно в Святки!

Максимов цыкнул на нее и велел заткнуться. В наступившей тишине Аните послышалось шевеление за простреленной дверью.

— Там кто-то есть!

С быстротой молнии она промчалась прямо по темно-коричневой луже и разлетевшимся щепкам, дернула за латунную ручку, и — о, ужас! — перед ней, равно как и перед остальными, предстало невероятное зрелище. За порогом лежал, скорчившись, давешний бродяга Аким. Он сучил ногами и взвизгивал. Хламида, которую он при-

жимал к груди правой рукой, окрашивалась в густо-рубиновый цвет, а на губах его пузырилась красная слюна.

— ...твою мать! — выдохнули одновременно доктор и Алекс, обступив лежавшего. Доктор при этом от волнения споткнулся и упал бы, если б не успел опереться рукой о плетеный коврик.

— Убили! — заголосила Вероника.

Максимов, не глядя, запустил в нее скомканным полотенцем.

— Кажется, я его подстрелил... — проговорил Немец дрожащим голосом и присел на корточки. — Посветите мне!

Анита выдернула из канделябра свечу. Доктор осмотрел заведенные под лоб зрачки раненого, пощупал вену на шее и коротко распорядился:

— Помогите перенести его на стол!

Максимов без раздумий завернул углы скатерти и сдернул ее вместе с тарелками и остатками рождественских угощений. Узел полетел под лавку. Перезвон бьющейся посуды наложился на вопль Вероники, которая не то сожалела по поводу порчи хозяйского имущества, не то впала в истерику при виде окровавленного мужчины.

Анита, не в пример горничной, держалась молодцом. Она расстелила на столе чистую простыню, и Максимов с доктором перенесли туда пострадавшего. Немец сквозь зубы раздавал указания:

— Горячей воды мне! И расставьте побольше свечей вокруг!

Анита услала верещавшую на тонкой ноте Веронику за водой и собрала по комнатам все имевшиеся в доме свечи. Доктор тем временем достал из саквояжа металлическую фляжку и влил из нее в рот пациенту что-то прозрачное, едко пахнувшее спиртом. Аким перестал повизгивать и забылся. Немец разложил на стуле подле себя хирургические инструменты: ланцеты разной величины, щипцы, пинцет и набор игл. Сюда же добавился ворох корпии. Вся подготовка заняла не более пяти минут. Вероника принесла лохань с горячей водой, доктор вымыл руки и выгнал всех из столовой.

— Может, еще чем-нибудь помо... — заикнулся Максимов, но Немец свирепо отрезал:

— Справлюсь без дилетантов!

Анита понимала его чувства. У него на глазах погибал человек, и только он один

мог его спасти. А если учесть, что трагедия была вызвана ротозейством самого доктора, то получалась коллизия совершенно драматургическая.

— Пойдем! — шепнул Максимов.

Оставив доктора наедине с умирающим, вышли во двор. Анита жадно глотнула колкий, леденящий горло воздух.

— Как такое случилось? — недоумевал Алекс. — Какого черта этот босяк вышел из каморки?

Анита пожала плечами.

— Очевидное объяснение одно: он подслушивал. Иначе зачем бы ему стоять под дверью?

— Настораживает термин «очевидное». Иными словами, у тебя есть и другие? — Повисла пауза. — Нелли, я слишком хорошо тебя знаю. Выкладывай начистоту.

— Нечего выкладывать, Алекс. Все очень неопределенно... И столько сюрпризов! Сначала граф с его непонятной болезнью, потом этот нищий, который неизвестно зачем пришел в Медведевку посреди ночи... а теперь еще выстрел...

— Ты думаешь, все эти события связаны между собой?

— Может, связаны, может, нет. Каждое в отдельности сошло бы за случайность, но согласись, когда они следуют чередой, одно за другим, это уже наводит на подозрения.

Максимов сделал попытку задействовать воображение вкупе с логическим мышлением, но у него так и не получилось связать разрозненные неожиданности в единое целое.

— Ладно, — резюмировал он немного погодя, — что проку гадать? Немец — славный лекарь. Я верю, что он спасет этого юродивого, и все загадки разрешатся.

— Прямо все?

— По крайней мере, некоторые. Так что подождем.

И они стали ждать. Усилившийся мороз загнал их в дом, но по негласному уговору дальше кабинета не пошли. Сели за ольховым бюро и напряженно вслушивались в звуки, доносившиеся из столовой. Там звякало железо, шелестела ткань, надсадно прогибались доски под ногами коренастого доктора. Ни единого слова, ни вскрика, ни стона... Ничего, что подсказало бы, насколько успешно идет операция и в каком состоянии подстреленный.